

АНГЛИЧАНЕ ЕДУТ ПО РОССИИ

Путевые записки
британских путешественников
XIX века

А л е т е й я

**Уильям Споттисвуд
Джеймс Картмелл Ридли
Джон Кромби Браун
И. В. Кучумов**

**Англичане едут по России.
Путевые записки британских
путешественников XIX века**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65106966

*Англичане едут по России. Путевые записки британских
путешественников XIX века / сост., пер. с англ., вступ. ст. и при-меч.*

И. В. Кучумова; отв. ред. В. А. Тишков; Алетейя; Санкт-Петербург;

2021

ISBN 978-5-00165-295-3

Аннотация

В этой книге впервые на русском языке публикуются путевые записки трех английских путешественников XIX в.

Выдающийся математик и физик Уильям Споттисвуд (1825–1883) в 1856 г. приобрел в Казани диковинное для англичанина транспортное средство – тарантас и проехал на нем по Европейской России от Москвы до Астрахани, побывал в городах и селах, заглянул в буддийский монастырь. Несмотря

на то что незадолго до этого закончилась Крымская война, в которой родина путешественника противостояла нашей стране, англичанина принимали с исключительным радушием и во всем ему помогали.

Известный эколог Джон Кромби Браун (1808–1895) несколько лет провел в России. Однажды друзья пригласили его отправиться на Урал для изучения местных лесов и горных заводов, но он предпочел совершить туда так называемое «воображаемое путешествие» и написал об этом увлекательную книгу.

Инженер и металлург Джеймс Картмелл Ридли (1844–1914) вместе с участниками Международного геологического конгресса летом 1897 г. посетил Уфимскую и Пермскую губернии и потом опубликовал записки, в которых увлекательно описал быт и нравы местного населения.

Книга предназначена для историков, этнографов, географов и краеведов.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Подлинные и вымышленные приключения джентльменов в российской глубинке	6
Уильям Споттисвуд	41
Предисловие	41
Глава I	47
Глава II	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

**Англичане едут по
России. Путевые
записки британских
путешественников XIX века**
**Ответственный редактор
академик РАН В. А. Тишков**

Утверждено к печати Ученым советом ИЭА РАН

Ответственный редактор академик РАН *В. А. Тишков*

Рецензенты:

член-корреспондент РАН *А. В. Головнёв* (МАЭ (Кунсткамера) РАН) кандидат филологических наук, доцент *Е.Г. Власова* (ПГНИУ)

© И. В. Кучумов, перевод на русский язык, предисловие
и примечания, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Подлинные и вымышленные приключения джентльменов в российской глубинке

Девятнадцатый век – время зарождения массовых мобильностей¹, которые стали практически всеобщими в наши дни и постоянно усложняются. В отличие от древних миграций, современные перемещения охватывали не отдельные популяции, а все человечество. Включенные в эту книгу сочинения трех британских трэвелогографов² – лишь небольшая часть обширного массива работ, созданных иностранцами, совершавшими поездки по России. В XIX в. темы английских трэвелогографов охватили весь мир, поскольку в это время географические открытия и колониальная активность приобрели небывалый размах³.

В публикуемых работах, представляющих собой рассказы о научно-познавательных и одновременно живописных путешествиях-обзорах⁴ по Уралу, Россия выступает в каче-

---

¹ *Thompson C. Nineteenth-Century Travel Writing // The Cambridge History of Travel Writing / N. Das, T. Youngs (eds.). Cambridge, 2019. P. 108.*

² Термин был предложен О. Балла (см.: *Балла О. Нефотогографизмы: преодоление трэвелого* // *Homo Legens*. 2013. № 4).

³ *The Cambridge History of Travel Writing. P. 7.*

⁴ Об используемой нами типологии трэвелогографов см.: *Милюгина Е. Г., Строганов*

стве Другого, которое и для нас, читателей XXI в. – в большинстве своем представителей европейской культуры, тоже является

Другим. При этом мы смотрим на него не сами, а глазами иностранцев, которые по отношению к нам тоже являются Другими, т. е. объект рассмотрения – в данном случае локальные уральские культуры – является как бы Другим Других.

У всех авторов, чьи работы включены в настоящую книгу, присутствует полный набор сюжетов, характерных для литературы путешествий: аварии, стихийные бедствия, болезни, общение с попутчиками⁵. Вместе с тем всякое путешествие, особенно далеко от родины, – это поездка в иной мир, напоминающий или нет свой, поэтому каждое из публикуемых сочинений обладает собственным способом визуального восприятия и осмысления России – ведь «путешествие – не специальность и не имеет строгих правил»⁶. Ну а поездки в Россию в XIX в. для западноевропейцев вообще были настоящим приключением по причине малой популярно-

---

М. В. Травелог // Текст пространства: материалы к словарю / авт. – сост. Е. Г. Милогина, М. В. Строганов. Тверь, 2014. С. 317–319; *Власова Е. Г.* Маршруты путешествия и особенности формирования образа пространства в уральском травелогe конца XVIII – начала XX в. // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. С. 59.

⁵ *Шачкова В. А.* «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 280.

⁶ *Майга А. А.* Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 256.

сти этого маршрута⁷. Редкие вояжи иностранцев на восток от российских столиц обычно заканчивались в Нижнем Новгороде, а тех, которые добирались до Урала и даже заглядывали дальше, вообще можно пересчитать по пальцам. Однако последующее развитие транспортных магистралей сделало эти маршруты для них возможными⁸. Именно записки трех таких смельчаков и составили настоящую книгу. Но кто были эти люди?

Один из самых выдающихся математиков и физиков своего времени, Уильям Споттисвуд являлся увлеченным путешественником и посетил ряд стран, которые тогда мало интересовали вояжеров: в частности, в 1856 г. он побывал в так называемой «Восточной России»⁹, и в 1857 г. опубликовал об этом увлекательный рассказ¹⁰, который сейчас впервые выходит на русском языке. Ученый родился 11 января 1825 г. в Лондоне и получил математическое образование.

---

⁷ *Sakowicz I.* British travelers' impressions of the Russians during the reign of Alexander II // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1, № 1–2. С. 212.

⁸ *Власова Е. Г.* В контакте с пространством: образ Урала в литературе путешествий XIX – начала XX века // *Литературное краеведение в школе* [Электронный ресурс]: сб. науч. – метод. материалов. Пермь, 2018. С. 179.

⁹ В то время «Восточной Россией» западноевропейцы называли восток Европейской части нашей страны, за которым следовала Сибирь, которую они географически (но, конечно, не политически) Россией уже не считали (ср. восприятие границ Сибири в русской беллетристике: *Коришников В. А.* Путь сквозь века и земли: дорожная традиция России. М., 2020. С. 522–530)..

¹⁰ *Spottiswoode W. H.* A Tarantasse Journey Through Eastern Russia in the Autumn of 1856. London: Longmans, Brown, Green, Longmans, & Roberts, 1857. 258 p.

В 1870–1872 гг. он являлся президентом Лондонского математического, а в 1878–1883 гг. – Королевского обществ, был избран почетным доктором Кембриджского, Дублинского, Эдинбургского и Оксфордского университетов. Споттисвуд опубликовал свыше ста статей, несколько книг. Он скончался 27 июня 1883 г. от брюшного тифа в своем родном городе и был похоронен в Вестминстерском аббатстве. Его смерть стала большой утратой для Великобритании.

В начале 80 – х гг. позапрошлого века воображаемую «поездку» на Урал совершил шотландский эколог и лесовод Джон Кромби Браун (1808–1895)¹¹. Россия была ему хорошо знакома – в 1833–1837 гг. он служил пастором Британо-американской конгрегационалистской церкви¹² в Санкт-Петербурге. Позднее Браун занимался миссионерской деятельностью в Южной Африке, одновременно читал лекции по естествознанию, вернувшись в Шотландию, служил в церкви и вел научную работу. Он внес большой вклад в науку о лесе, издал ряд книг по этой теме – в частности, о лесах Финляндии и Карелии.

Позднее маршрут Брауна отчасти повторил, уже в реальности, шотландский металлург Джеймс Картмелл Ридли.

---

¹¹ *Brown Croumbie J.* Forestry in the Mining Districts of the Ural Mountains in Eastern Russia. Edinburgh: Oliver and Boyd, Tweeddale Court; London: Simpkin, Marshall, & Co., and William Rider & son; Montreal: Dawson Brothers, 1884. 182 p.

¹² Одно из основных направлений в кальвинизме, предполагающее абсолютную автономию каждой религиозной общины (конгрегации).

Он родился 25 марта (по др. данным 31 января¹³) 1844 г. в г. Ньюкасл-апон-Тайн на северо-восточном побережье Великобритании. Получив специальность инженера по обслуживанию паровозов, Ридли одно время работал техником на пароходе, позднее возглавлял ряд металлургических предприятий, а в 1871 г. запатентовал новую технологию производства чугуна и стали¹⁴. Скончался Ридли 27 декабря 1914 г. в своем родном городе в доме № 1 (он существует до сих пор) по ул. Бентинк-стрит. Предыстория его поездки по России такова. С 17 (29 н. ст.) по 24 августа (5 сентября) 1897 г. в Санкт-Петербурге проходила VII сессия Международного геологического конгресса, в работе которой приняли участие более семисот человек из двадцати семи стран¹⁵. За месяц до этого российское правительство организовало для гостей несколько «геологических экскурсий» по стране. Ридли принял участие в Уральской¹⁶ и затем выпустил об

---

¹³ Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers. 1915. Vol. 88, Issue 1. P. 437.

¹⁴ Journal of the Iron and Steel Institute. 1915. Vol. 91, No. 2. P. 464.

¹⁵ Подробнее см.: *Колбанцев Л. П.* К истории VII сессии Международного геологического конгресса. Санкт-Петербург, 1897: библиографический обзор. СПб., 2019.

¹⁶ Подробнее см.: *Кричевский В. Я.* Экскурсия членов VII геологического конгресса на Урале // Урал. Екатеринбург, 1897. № 201. Для участников поездки был заранее издан на французском языке (такая практика существовала до 1913 г.: *Колбанцев Л. П.* К истории... С. 19) путеводитель «Guide des excursions du VII Congrès geologique international» (СПб., 1897), в котором давалась подробная геологическая характеристика мест, по которым им предстояло проехать. В этом

этом небольшую книжечку¹⁷. Его безыскусные путевые записки в жанре железнодорожного травелога¹⁸ – это интересный взгляд на Россию западного технократа.

К концу XIX в. Россия, во всяком случае те ее места, которые посетили три британца, уже была довольно неплохо объезжена, изучена и описана отечественными авторами. Говорить о том, что эти иностранцы открыли что-то новое, конечно же, нельзя, хотя, например, в сочинении Брауна присутствует немало занимательных историй и иных сведений, которые не представлены в литературе. Споттисвуд проплыл и проехал по довольно удаленным от Западной Европы землям, а Ридли знакомился с Россией в основном из окна железнодорожного вагона (примерно так же, только с палубы фрегата, знакомился с Японией И. А. Гончаров), но и до, и

издании помещены фотографии видов населенных пунктов и природных объектов, которые описывает Ридли. Они могут служить дополнением к его сочинению. См. разделы указанного справочника: Nikitin S. De Moscou a Oufa (Vià Miatchkowo, Riazan, Penza, Syzran, Samara); Tschernyschew Th. A partir de la ville d'Oufa jusqu'au versant oriental de l'Oural; Arzeuni A. Die Mineralgruben bei Kussa und Miass; Karpinsky A. Versant oriental de L'Oural D'Ourjom à Ekathérinebourg; Clerc O. La ville D'Ekathérinebourg et quelques – uns de ses environs, remarquables au point de vue d'archéologie préhistorique; Le chemin de fer de L'Oural dans les limites des districts miniers de Taguil et de Goroblagodat; Krasnopsky A. Chemin de fer de L'Oural; Stuckenberg A., Nikitin S. et Amalitzky W. De Perm a Nijny – Novgorod.

¹⁷ *Ridley Cartmell J. Reminiscences of Russia: The Ural Mountains and Adjoining Siberian District in 1897. Newcastle-upon-Tyne: Andrew Reid and Co., 1898. 100 p.*

¹⁸ Перечень российских сочинений такого рода см.: *Власова Е. Г. Урал из окна вагона: средства коммуникации и травелог // Вестн. Пермского ун-та. Рос. и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 2. С. 66.*

после них здесь побывали десятки исследователей. Особенно проигрывал в этом отношении Ридли – он ехал на поезде, который обычно перевозит своих пассажиров по местам, которые уже изучены¹⁹. Однако ограниченность и специфичность знаний большинства европейцев о России, отразившаяся на страницах их травелогов, позволяет увидеть, каким представлял Запад социальное пространство нашей страны²⁰.

Один современный историк охарактеризовал путешествие как экзистенциальный излом, ведь «переступив порог, человек выпадает из своей привычной колеи, оказывается один на один с огромным неведомым миром»²¹. Действительно, на путешествии и рассказе о нем способ передвиже-

---

¹⁹ Ward S. Trains // Literature of travel and exploration: an encyclopedia / J. Speake (ed.). Vol. 3. New York; London. 2003. P. 1189.

²⁰ Замятин Д. Н. Путешествие: пространство, образ, реальность // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 5–6. С. 66–67. Применительно к Великобритании об этом см., например: Szamuely H. British Attitudes to Russia: 1880–1918. D.Phil. Thesis. Oxford, 1982; Зашихин А. Н. «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии, вторая половина XIX – начало XX в.: очерки. Архангельск, 1994; Тараторкин Ф. Г. Английская Россия конца XIX – начала XX века в системе историографического диалога: авт. дисс... канд. ист. наук. Томск, 1999; Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. 2-е изд. М., 2003; Зашихин А. Н. Британская Russia второй половины XIX – начала XX в. Архангельск, 2008; Королёва С. Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М., 2014; Sakowicz I. British travelers' impressions.

²¹ Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М., 2010. С. 174.

ния отражается не меньше, чем мотивация самой поездки, он влияет на темп и даже маршрут вояжа, тем самым сказываясь на восприятии путниками ландшафта и самих себя по отношению к нему²². Все публикуемые здесь авторы обладали возможностями достаточно объективно описать страну, поскольку перемещались (Браун делал это мысленно) исключительно по густонаселенным районам: и пароходы, и поезда были тогда тем местом, где (и это отмечают все путешественники) вступали в близкий (во всяком случае, в пространственном отношении) контакт представители различных групп населения²³, поэтому такие поездки, – особенно, если путешественник обладал хорошей наблюдательностью, – могли дать хоть и поверхностное, но в общих чертах верное представление о стране²⁴.

---

²² The Cambridge History of Travel Writing. P. 13.

²³ Шенк Ф. Б. Поезд в современность: мобильность и социальное пространство России в век железных дорог / авторизованный пер. с нем. М. Лавринович. М., 2016. С. 13, 18, 302–305, 308–330.

²⁴ В связи с этим вряд ли можно согласиться с выводом пермского исследователя Е. Г. Власовой, будто бы этнографизм поездки на пароходе «носит вторичный характер: в своем рассказе путешественник пересказывает прочитанные накануне книги» (Власова Е. Г. «Дорожные дискурсы» уральского травелога XVIII – начала XX вв. // Вестн. Пермского ун-та. Рос. и зарубежная филология. 2010. Вып. 6(12). С. 118), а «путешествие на пароходе не предполагает физического контакта с окружающим» (Власова Е. Г. В контакте с пространством. С. 183). Взгляд путешествующего на речном судне отнюдь не был прикован исключительно «к линии берега», а пространство группировалось не только «вдоль оси реки» (Власова Е. Г. В контакте с пространством. С. 184), макрокосм не поглощался микрокосмом – например, пароход, на котором плыл Споттисвуд, был заполнен

Авторы публикуемых в этой книге сочинений преодолевали российские просторы разными способами: Споттисвуд и Ридли – на поездах, пароходах, лодках, в конных экипажах и пешком, Браун – мысленно. Соответственно и подходы к описанию пространства были у них различными²⁵. Вернувшись к себе домой, эти авторы поделились приобретенными ими знаниями о «культуре дороги»²⁶ в России и оставили для будущих любителей поглазеть на нашу страну краткие наставления²⁷ о том, как организовать пространство, обнулив его аритмию²⁸. Споттисвуд, невольно следуя указаниям своего предшественника Д. Александера («Англичане, путешествующие по Европе, должны остерегаться, выказывая

«русскими почти со всех восточных губерний, татарами из Казани, немцами из-под Саратова, персами и армянами из Астрахани, бухарцами и бухарскими евреями из Оренбурга, были и люди, направлявшиеся в Ташкент», т. е. представлял собой настоящий Ноев ковчег, настоящий культурный микрокосм востока и юга России. Вместе с тем справедливым представляется утверждение, что «пространство берега предстает неким складом артефактов местной жизни. Вглядываться не позволяет скорость путешествия, и это, безусловно, накладывает отпечаток на характер восприятия» (Власова Е. Г. «Дорожные дискурсы»... С. 118; Она же. В контакте с пространством. С. 184).

²⁵ Власова Е. Г. В контакте с пространством. С. 179.

²⁶ Об этом термине см.: Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003. С. 8–9.

²⁷ См.: Плавина А. А. Жанровые характеристики травелога в англоязычном дискурсе: динамический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 3. С. 76.

²⁸ Милогина Е. Г., Строганов М. В. Ритм/аритмия пространства // Текст пространства: материалы к словарю / авт. – сост. Е. Г. Милогина, М. В. Строганов. Тверь, 2014. С. 267–268.

свои чувства по поводу тех общественных устоев, с которыми им приходится встречаться»²⁹), заранее предупреждает таких смельчаков: «Путешественник должен быть терпеливым и снисходительным – отчасти потому, чтобы случайно не оскорбить нравы и обычаи местного населения». Наученный горьким опытом, теперь он сам поучает: «Если, ящик предложит дорогу получше, нужно соглашаться. Бывалые путешественники знают, что в данном случае раздумывать не стоит». «Не берите с собой ящики: от ударов об их края и углы у вас образуются синяки на спине и ногах. Лучше возьмите плоские саквояжи и мягкие сумки, положите их на дно тарантаса на слой сена, поверх бросьте тонкий тюфяк и коврик, который кладут перед камином... В заднюю часть экипажа положите две или более пуховые подушки, только закажите их заранее», – цитирует одного из своих предшественников Браун, те самым объясняя, как нужно создавать мобильную систему, объединяющую человека и вещи³⁰. Для знакомства с Москвой «не забудьте. взять с собой пару крепких башмаков», – в свою очередь наставляет Ридли³¹.

Типы пространств, осваиваемых этими тремя путешественниками в ходе своих поездок по России, были различ-

---

²⁹ *Александр Д.* Россия глазами иностранца / пер. с англ. А. Базилевича. М., 2008. С. 10–11.

³⁰ *Урри Дж.* Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. М., 2012. С. 140.

³¹ О трудностях и опасностях путешествий по России см.: *Борисов Н. С.* Повседневная жизнь. С. 100–118; *Коришников В. А.* Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды. М., 2015. С. 164–175.

ными. Турне Споттисвуда – именно так он называет свое путешествие, на которое решился «из любопытства и ради удовольствия»³² – проходило по местам, где отсутствовали железные дороги и почти не ходили пароходы, где «все оказывается проблемой: и перемена лошадей, и удовлетворение потребности в отдыхе/сне, и удовлетворение голода»³³. И если простой обыватель в таких обстоятельствах «не испытывает радости путешествия»³⁴, то для ученого (хотя профессор Споттисвуд не ставил перед собой в этой поездке научных задач, но он же был выдающимся физиком!) это и привычно, и неизбежно, ибо ритмичность пространства, тишь да гладь только вредят исследованию, «зов неизведанного нового мира – не пугающие, а самые желанные звуки для Путешественника»³⁵, «путешествие всегда включает... разные формы удовольствия и боли»³⁶.

В XIX в. описания опасностей и страданий были обязательной стороной почти всякого травелога, тем самым усиливая его достоверность³⁷. «Трудность пути – постоянное и неотъемлемое свойство; *двигаться* по пути, преодолевать

---

³² См. в этой связи: Урри Дж. Мобильности. С. 119–120.

³³ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Ритм/аритмия пространства // Текст пространства. С. 265.

³⁴ Там же.

³⁵ Иванова А. Н. Путешественник как личность с потребностью в новизне и самотрансценденции // Вестн. Томского гос. ун-та. 2015. № 400. С. 54.

³⁶ Урри Дж. Мобильности. С. 136.

³⁷ Thompson C. Nineteenth-Century Travel Writing. P. 117, 122.

его уже есть подвиг, подвижничество со стороны идущего *подвижника*, путника»³⁸. Правда, Ридли избежал большинства этих проблем, ведь поезд, на котором он путешествовал, предоставлял пассажирам определенный комфорт. Еще меньше физических трудностей испытал Браун, «ездивший» по Уралу за своим письменным столом. И только на долю Споттисвуда выпали обычные для путешествующего по тогдашней России иностранца и многократно описанные в литературе мучения – в отличие от поезда и тем более виртуального перемещения, поездка на тарантасе обеспечивала максимальное взаимодействие вояжера с окружающим пространством³⁹. Ко всему прочему, английского математика постоянно пугали наличием на дорогах разбойников: «Одни советовали нам прервать путешествие, другие – ездить только днем, третьи – уделять особое внимание безопасности, четвертые просто излагали подробности недавнего происшествия...» – «дорога традиционно воспринималась как зона насилия, где всегда надо быть готовым к нападению и отпору»⁴⁰. Несмотря на то, что ничего подобного с путешественником не произошло (обычно рассказы о нападениях грабителей не подтверждались⁴¹, так как, скорее всего, часто

---

³⁸ *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М., 2004. Т. 1. С. 76.

³⁹ *Власова Е. Г.* В контакте с пространством. С. 180.

⁴⁰ *Щепанская Т. Б.* Культура дороги... С. 219.

⁴¹ *Борисов Н. С.* Повседневная жизнь. С. 114, 130, 309; *Коришников В. А.* Путь сквозь века и земли. С. 394–403.

имели фольклорную основу), он предупреждает своих будущих последователей: в России ухо нужно держать востро!

Как известно, практически всякое антропологическое (этнографическое) исследование основывается на свидетельствах информантов – носителей знаний об изучаемой культуре. Поэтому предпринятое Брауном воображаемое (интеллектуальное) полевое исследование, чем-то напоминающее написанный на основе опубликованных источников роман лично не знакомого с российским Востоком Жюль Верна «Клодиус Бомбарнак» или поэтическое собрание субъективных ощущений Блэза Сандрара о России «Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской» (1913 г.), сегодня может показаться оксюмороном. Однако в то время этот жанр был довольно обычен и пользовался большой популярностью: достаточно сказать, что устроенный на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. аттракцион – 45-минутная «поездка» из Москвы в Пекин на поезде, за окнами которого проплывали ландшафты, запечатленные на огромном панорамном полотне, имел оглушительный успех у публики⁴².

В воображаемом путешествии информаторами обычно становятся книги или иные источники. Но насколько объективными могут быть сведения, добытые таким способом? Французский литературовед и психолог Пьер Байяр ответил на этот вопрос довольно провокативно: «Нет никаких дока-

---

⁴² См.: Шенк Ф. Б. Поезд в современность. С. 97.

зательств того, что, именно путешествуя, мы можем лучше узнать город или страну, с которыми до того были незнакомы. Наоборот, все наводит нас на противоположные мысли, в том числе и опыт многих писателей: бесспорно, лучший способ рассуждать о далеких краях – делать это, не выходя из дома». Порой описания земель, где авторы никогда не бывали, «оказываются куда реалистичней, чем тексты писателей, которые сочли своим долгом отправиться в эти места лично»⁴³.

Хронотоп повествования Брауна многомерен и существенно отличается от воображаемой поездки по России, которую в XVIII в. «совершил», в частности, француз П.-Ш. Левек⁴⁴. У обычного путешественника событийный ряд имеет прямое линейное построение, обусловленное необходимостью рассказывать о перемещениях повествователя «и событиях, с ним происходящих, в хронологическом порядке. Повествователь в этом жанре не имеет права переходить из будущего в прошлое и наоборот, произвольно менять порядок событий. Он "обязан" вести читателя за собой строго по маршруту»⁴⁵. Но Браун последовательно описывает свой «маршрут» только в начале, а по «достижении» уральских

---

⁴³ *Байяр П.* Искусство рассуждать о странах, в которых вы не бывали / пер. с фр. А. Поповой. М., 2014. С. 8, 9, 25.

⁴⁴ *Левек П. – Ш.* История народов, подвластных России / пер. с фр. Л. Ф. Сабигареевой под ред. И. В. Кучумова. СПб., 2016.

⁴⁵ *Шачкова В. А.* «Путешествие». С. 280.

предгорий его «поездка» становится нелинейной.

Воображаемое путешествие наглядно подтверждает вывод Эйнштейна о локальности времени, его привязанности к конкретной системе наблюдения и измерения. Странствуя по России в годы, когда основным средством передвижения по ней был не поезд, а пароход и гужевой транспорт, ментальный исследователь Урала Браун передвигается в пространстве быстрее современных авиалайнеров и космических кораблей. Он делает это с помощью мысли, а железнодорожными рельсами и руслами судоходных рек ему служат книги, рассказы друзей, информаторов и бывших сослуживцев (псевдоинклюзивное включение их в действие является у него элементом авторской экспрессии⁴⁶), причем не только периода «поездки» – у брикольера (а Браун, несомненно, является таковым) все идет в дело⁴⁷. Кстати, благодаря использованию одновременно нескольких литературных жанров (повествования, воспоминаний, анекдотов, преданий, публицистики, нон-фикшн, эпистолярных вставок и т. д.), что, по мнению исследователей, является обязательным для текстов путешествий⁴⁸, травелог воображаемого путешественника приближается к художественному произве-

---

⁴⁶ Об этом см.: *Шадрина М. Г.* Эволюция языка «путешествий»: автореф. дис. докт. филол. наук. М., 2003. С. 44.

⁴⁷ *Леви – Строс К.* Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. М., 1994. С. 126–127, 131.

⁴⁸ *Шачкова В. А.* «Путешествие»... С. 281; *Майга А. А.* Литературный травелог... С. 256.

дению. Впрочем, большинство таких сочинений в XIX в. были не только научными, но и литературными конструкциями⁴⁹.

Применяя метод «передоверенного путешествия», т. е. выстраивая свои «воспоминания» на основе чужих круизов⁵⁰, шотландский лесовод «перемещается» по Уралу не из одного географического пункта в другой, а присутствует сразу во всех (ср. принцип квантовой суперпозиции), и в его книге одновременно наличествуют образы биографического, исторического, космического, календарного и суточного времени. Пространство как таковое в этерналистском по сути сочинении Брауна исчезает, оно обнуляется, и пространственно-временной континуум разрушается⁵¹. В реальности такое невозможно⁵². Брауна мало интересует сам путь и переживание расстояния – их у него нет. Его, как и реальных путешественников новейшего времени, больше заботит не сам маршрут, а отдельные точки на нем, места остановок,

---

⁴⁹ *Thompson C. Nineteenth-Century Travel Writing. P. 116.*

⁵⁰ *Байяр П. Искусство рассуждать. С. 41.*

⁵¹ Ср.: *Щепанская Т. Б. Культура дороги. С. 78–79.* Поскольку Браун был не только ученым, но и миссионером (соответствующие теологические пассажи в русском переводе его сочинения опущены), а такое сочетание для тогдашней Европы не было редкостью (см.: *Thompson C. Nineteenth-Century Travel Writing. P. 118*), то способ его «поездки» на Урал можно рассматривать и в контексте богословских представлений о времени и пространстве (ср., в частности: *Торранс Т. Пространство, время и воплощение. М., 2010. С. 103–111*).

⁵² *Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Статический/динамический текст пространства // Текст пространства. С. 291–292.*

где можно произвести исследования⁵³. «Неполноценность» сконструированного Брауном пространства⁵⁴ способствовала субъективности его суждений, и это не связано со спецификой воображаемого путешествия (такое может случиться и с реальным вояжером-разиней): просто автор использовал достаточно узкий круг источников.

У воображаемого путешествия Брауна имеется тот же набор элементов, что и у реальной поездки. Вояжер присутствует в своем сочинении, у него есть реализаторы маршрута: корректирующие путь перевозчики, проводники/экскурсоводы (письма его друзей и записки предшественников – путеводителей как таковых тогда не было⁵⁵), функцией которых является интерпретация локального текста, исполняющие роль случайного фактора в реализации экспедиционной программы друзья-«попутчики» (многочисленные рассказы), и, наконец, автохтоны (местные информанты) – творцы и хранители локальных мифов⁵⁶.

Ридли и Споттисвуд не имели того бэкграунда, которым обладал Браун, – ранее они не бывали в России. Ридли посетил царскую империю в годы, когда ее территория стремительно покрывалась сетью железных дорог, обладавших

---

⁵³ См.: Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Путешествие // Там же. С. 260–261.

⁵⁴ В «полноценном» его описании обязательно должна присутствовать связка «здесь-теперь» (Топоров В. Н. Пространство и текст. С. 60).

⁵⁵ Борисов Н. С. Повседневная жизнь. С. 119.

⁵⁶ Ср.: Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Путешествие // Текст пространства. С. 254.

несомненным преимуществом перед парашутом и тарантом в отношении скорости передвижения. Однако общение автора с местными жителями в силу обстоятельств происходило в основном в рамках его профессиональных интересов (правда, технических аспектов в своих записках он не касается⁵⁷), поэтому собеседниками англичанина чаще всего выступали инженеры, геологи, естествоиспытатели и чиновники. Наблюдения Ридли над бытом остального населения России – очень поверхностные и мимолетные, они, как правило, сделаны из окна поезда (уже и так сжимавшего пространство и устранявшего из него значительные фрагменты⁵⁸), с

---

⁵⁷ Батищев С. Д. Записки иностранцев об Урале XIX века: обзор современных публикаций источников // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 1. С. 118. Более «профессиональным» является доклад об Уральской геологической экскурсии 1897 г., сделанный 20 апреля 1898 г. в Институте Франклина (один из старейших научных музеев США, находится в Филадельфии) крупным американским минералогом Д. Ф. Кунцем (1856–1932): в нем бытовые наблюдения сведены к минимуму – в частности, Кунц рекомендует ездить по России в тарантасе, упоминает об использовании жителями Нижнего Тагила изготовленных из тончайших листов железа визиток и сообщает, что одному английскому горному инженеру проникшиеся к нему уважением башкиры еще при жизни зарезервировали место на мусульманском кладбище (см.: *Kunz G. F. A Trip to Russia and the Ural Mountains* // *Journal of the Franklin Institute*. 1898. Vol. 146, Issue 3. P. 193–214). Библиографию остальных подобных описаний по итогам экскурсии по Уралу см.: *Колбачев Л. Р.* К истории. С. 29 (№№ 35, 37), 31 (№ 44), 32 (№ 50), 34 (№ 60), 36 (№ 72), 42 (№ 92), 44–45 (№№ 104, 107).

⁵⁸ Подробнее см.: *Урри Дж.* Мобильности. С. 215, 217, 219; *Thompson C.* *Nineteenth-Century Travel Writing*. P. 108–109. См. также: *Власова Е. Г.* В контакте с пространством. С. 186–187.

палубы парохода или с дрожек. Вне своей профессиональной среды автор книги более или менее подробно рассказывает только о той категории россиян, с которой ему пришлось непосредственно и постоянно общаться в течение трех месяцев, проведенных в поездке, – кучерах⁵⁹.

Кстати, турне Ридли и Соттисвуда методом «галопом по Европам» – вовсе не проявление их легкомыслия, а восходящая, в частности, к Ф. Бэкону британская концепция путешествий по незнакомым странам. Знаменитый английский философ наставлял потенциального вояжера следующим образом (и, судя по всему, публикуемые в настоящей книге авторы строго придерживались этих указаний): «Пусть не медлит подолгу в одном городе, а уделяет каждому столько внимания, сколько тот заслуживает (но не чересчур много), и, даже находясь в одном городе, пусть переезжает с квартиры на квартиру в разных его концах: это отличный способ заводить знакомства. Пусть не ищет общества соотечественников и столуется там, где есть хорошее общество из числа местных жителей. При переездах же с одного места на другое пусть добывает рекомендательные письма к тамошним знатым особам, дабы заручиться содействием в том, что он захочет узнать или осмотреть. Таким путем он сможет с большой пользой сократить срок своего путешествия. Что каса-

---

⁵⁹ Несколько шире и глубже с Россией в дни геологического конгресса успел познакомиться американский химик, геолог и религиозный деятель Джеймс Эдвард Талмедж (1862–1933), печатавший в течение 1898 г. в детском религиозном журнале свои путевые записки (см.: *Колбанцев Л. Р.* К истории. С. 46, № 109).

ется знакомств, которых надлежит искать в путешествиях, то наиболее полезны знакомства с секретарями и чиновниками при посланниках, ибо таким образом, путешествуя по одной стране, можно получить сведения о многих. Пусть также посещает всякого рода именитых людей, прославленных за рubeжами их родины, дабы убедиться, насколько заслужена их слава»⁶⁰.

Воспринимая Россию как Другое, авторы публикуемых в настоящей книге произведений постоянно – напрямую или косвенно – сравнивают ее со Своим⁶¹, ведь травелог – «это всегда личный сюжет, диалог авторского "я" или героя с местом, с городом, со своим прошлым, со своим настоящим, со своей историей, культурой. Это не только хронология поездки, но и рефлексия и переживания увиденного»⁶². Споттисвуд и Ридли снисходительно оценивают российское социальное пространство, не слишком применяя к нему собственные представления о подлинной Цивилизации – они просто его наблюдают и относительно беспристрастно описывают. Но если эти два автора стремились попасть в россий-

---

⁶⁰ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. 2-е изд. М., 1978. С. 391.

⁶¹ Кулакова Е. А. Сочинения британцев о путешествиях в Россию второй четверти XIX века // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 39. С. 82, 90.

⁶² Рокина Г. В. Травелог как исторический источник // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 5–6. См. также: Толстиков А. В., Кошелева О. Е. Homo viatoris // Одиссей: человек в истории. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен / [гл. ред. А. О. Чубарьян; сост. С. И. Лучицкая]. М., 2010. С. 6.

ский Хаос⁶³ (впрочем, Ридли к нему едва успел прикоснуться), чтобы его изучить, то Браун как истинный британский интеллектual, для которого «любое "иное", особое, непохожее не просто рассматривается по отношению к норме, т. е. соответствующему британскому образцу, как несовпадение с ней, недоразвитость, отклонение, ошибка»⁶⁴, старался это не-пространство ментально колонизировать, преодолеть путем преобразования в Цивилизацию, в Космос, запустить негэнтропию, т. е. вести дела честно, добиваться разоблачения и наказания взяточников, казнокрадов, нерадивых работников и лентяев. Его заботит не только состояние лесоводства в России⁶⁵, но и экология ее «души» – он ведь был христианский миссионер! Разумеется, все его усилия в этом направлении оказались тщетными, демиурга из шотландского Дон Кихота не получилось, русский Хаос так и не превра-

---

⁶³ Конечно, российское общество вовсе не являлось неструктурированным, и в данном контексте оно характеризуется как хаотическое, инаковое всего лишь с точки зрения цивилизации, к которой принадлежали английские путешественники.

⁶⁴ Тараторкин Ф. Г. Британское научное руссиеведение XIX-XX вв.: особенности становления и этапы развития // Исторический вестник. 2014. Т. 10, № 157. С. 139–140.

⁶⁵ Об этом со ссылками на сочинение Д. Брауна см.: *Nriagu J. O. Mining and Environment in the Urals during the 18 th and 19th Centuries* // I. Linkov, R. Wilson (Eds.). *Air Pollution in the Ural Mountains: Environmental, Health and Policy Aspects: Proceedings of the NATO Advanced Research Workshop on Air Pollution in the Ural Mountains (Magnitogorsk, Russia 26–30 May 1997)*. Dordrecht [etc.], 1998. P. 12–19.

тился у него в английский Порядок. В своей книге автор приводит множество примеров того, как его соотечественники в условиях российской действительности сами архаизировались, варваризировались и, приняв существовавшие правила игры (вплоть до использования практик крепостного права), в итоге проиграли в противостоянии Хаосу, будучи не в силах сопротивляться энтропии, постоянно выделяемой российским обществом⁶⁶. Так что если с экзогенным влиянием на технологическое развитие, в частности, уральской индустрии дело обстояло относительно неплохо⁶⁷, то социальные, культурные и ментальные изменения в стране происходили гораздо медленнее.

Характеристика Российской империи, которую представили своим читателям эти три путешественника, существенно отличалась от представлений, утвердившихся в Западной Европе задолго до XIX в. В массовом сознании западноевропейцев Россия часто выступала как гомогенная культурная общность, а ее природно-географические особенности целиком укладывались в характеристику климатических условий Сибири, описываемых топофобными пейоративами. Считается, что такое представление о нашей стране сложилось в

---

⁶⁶ См.: Шрёдингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? М., 2009. С. 124.

⁶⁷ Подробнее см.: Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII-начало XX в.) / отв. ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург, 2011. С. 106–144.

эпоху Просвещения⁶⁸, при этом французские, английские и немецкие академические публикации, утверждавшие обратное, видимо, оставались уделом довольно узкой части общества, ибо властителями дум образованной западной публики были сочинения маркиза де Кюстина и его последователей. Для опровержения этих географических стереотипов все три публикуемых путешественника постоянно обращаются к географии. В частности, Урал у них, как и в синхронных русских травелогах, характеризуется триединством горы, леса и реки с особым выделением горных заводов⁶⁹: с одной стороны, активное использование знакомых западноевропейскому читателю символов⁷⁰ снижало в его глазах степень алогичности и враждебности российских пространств, а с другой – демонстрировало, что эти земли вовсе не безлюдны и в какой-то мере уже цивилизованы. Споттисвуд, Браун и Ридли решительно разрушали бытовавшие на Западе суждения о России как исключительно холодной и мрачной (а в политическом отношении деспотичной) стране⁷¹, убеждая публику, что на самом деле империя царей состоит из множества природно-географических зон, природная

---

⁶⁸ Барабаш В. В., Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Образы России в мире: курс лекций. М., 2010. С. 86–87.

⁶⁹ См.: Власова Е. Г. В контакте с пространством. С. 181–183.

⁷⁰ О важности этого обстоятельства см., в частности: Голд Дж. Психология и география: основы поведенческой географии / пер. с англ. С. В. Федулова. М., 1990. С. 152, 213, 219.

⁷¹ Sakowicz I. British travelers' impressions. С. 213.

среда и климат которых не так уж и сильно отличаются от британских.

Следует заметить, что в текстах Споттисвуда и Ридли (у Брауна по понятным причинам – реже), как и у многих других европейских путешественников, присутствует не только тщательная фиксация всех отрезков маршрута (это было очень важно для правильного определения своего местоположения, поскольку в России того времени дорога как один из важнейших параметров этого находилась вне культуры⁷², практически отсутствовала в привычном для европейца виде⁷³), но и точная (у Ридли – вплоть до минуты) хронология нахождения в узловых точках пространства⁷⁴. Разумеется, это было не случайно – у большей части населения нашей страны «время разумелось цикличным, растяжимым, процессуальным. Крестьяне придерживаются официального времени в рамках календаря, когда выходят из своего микромира во внешний для них. Но и в разносторонних контак-

---

⁷² Щепанская Т. Б. Культура дороги. С. 35–37.

⁷³ Более того, дорога в русском фольклоре является метафорой болезни и смерти, в доме, построенном на дороге, гибнут дети, скот и птица. С дороги приходят болезни, которые называются ветренными (происходящими от ветра, с ветру, т. е. извне), в частности оспа, холера, тиф (Щепанская Т. Б. Культура дороги. С. 40–41, 43; индоевропейские параллели см.: Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М., 1996. С. 274), вот и в записках Споттисвуда дом, в котором умирала от холеры черкешенка, «находился недалеко от дороги».

⁷⁴ Все даты, встречающиеся в публикуемых в данной книге сочинениях, приводятся по григорианскому календарю.

тах с ним, когда дело заходило о событийной стороне жизни, крестьяне опять погружались в "свое" время, как бы встроенное внутрь официального, государственного»⁷⁵. На Урале простые люди зачастую определяли время суток по тени от палочки, вставленной в середину доски⁷⁶.

Огромные расстояния, дефицит или фактически отсутствие европейской хронологической системы таили в себе опасность почти полного растворения европейца в чужом для него мире, несли угрозу «одичания». Поэтому постоянное напоминание о времени и температуре воздуха в привычной нам метрологии разграничивает у авторов космологический и исторический способы описания, является одним из важнейших маркеров цивилизации, служит защитой собственной идентичности, ограждает путешественника от деевропеизации в условиях иной культурной среды, предотвращает угрозу возврата в собственное далекое прошлое, ведь «путешествия в пространстве – это и перемещения во времени»⁷⁷. Поскольку в мифопоэтическом мире путешествия не действуют законы физики, прибытие вояжера туда, где присутствуют традиционные культуры, позволяет ему опровергнуть гипотезу С. Хокинга о защищенности

---

⁷⁵ Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М., 2012. С. 249–250.

⁷⁶ Чагин Г. Н. Окружающий мир в традиционном мировоззрении русских крестьян Среднего Урала. Пермь, 1998. С. 64–64.

⁷⁷ The Cambridge History of Travel Writing. P. 16.

хронологии, математически не допускающую перемещения в прошлое, и оказаться во вселенной К. Гёделя, в которой такая миграция возможна. Менее последовательно авторы придерживаются единообразия в обозначении расстояний: в своих текстах они используют как английские ярды и мили (а также метрические километры), так и русские версты, – известно, что Порядок и Хаос, цивилизация и варварство обычно находятся в динамическом единстве.

Несмотря на то, что большинство западноевропейских исследований XIX в. носят крайне этноцентрический характер, в которых незападные народы почти неизменно находятся на низких уровнях в иерархии культурного развития⁷⁸, а начиная с середины века в их классификации все больше проникал расизм⁷⁹, у Споттисвуда, Брауна и даже изучавшего Россию в основном из окна железнодорожного вагона Ридли наша страна показана как сложная в культурном, социальном и географическом отношениях территория. Это достигалось ими с помощью создания на страницах своих сочинений «сложноподчиненного синтаксиса природного и культурного пространства и многомерной системы ориенти-

---

⁷⁸ Ср. неоднократно издававшуюся в первой половине XIX в. «Нравственно-политическую карту обитаемого мира» английского картографа У Вудбриджа, на которой земли, на которых побывали Споттисвуд, Браун и Ридли, обозначены как «варварские» (*Woodbridge W. Atlas on a New Plan: Exhibiting the Prevailing Religions, Forms of Government, Degrees of Civilization, and the Comparative Size of Towns, Rivers, and Mountains. Hartford, 1833*).

⁷⁹ См.: *Thompson C. Nineteenth-Century Travel Writing. P. 117.*

ров»⁸⁰. Такая репрезентация России выглядела в тогдашней Англии весьма необычно, являлась маргинальной⁸¹ и не оказала решающего воздействия на образ нашей страны, сложившийся к тому времени в обыденном сознании англичан, — отчасти потому, что проигрывала стереотипам, господствовавшим в более массовой литературе⁸².

Споттисвуд путешествовал по царской империи вскоре после окончания Крымской войны 1853–1856 гг., в которой Великобритания являлась противником России, но русофобские настроения, доминировавшие в то время в английском общественном мнении и прессе, совершенно не сказались на записках этого искателя приключений: он сразу предупреждает читателя, что не будет касаться вопросов политики, потому что «за столь короткое время объективно оценить политическое и общественное устройство России и ее экономику невозможно», и его «как простого путешественника прежде всего интересовали... особенно малоизвестные места». Что ж, британская политика по отношению к России всегда отличалась прагматизмом, и сотрудничество двух стран имело место даже в периоды их военного противостояния⁸³, о чем также упоминает Споттисвуд.

---

⁸⁰ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Травелог. С. 313.

⁸¹ См.: Thompson C. Nineteenth-Century Travel Writing. P. 117.

⁸² См.: Тараторкин Ф. Г. Британское научное руссиеведение. С. 146.

⁸³ Ермакова О. Противники или союзники? Крымская война и британско-российское техническое сотрудничество на Урале // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 75.

Браун, изобретая свою Россию, опирался на публикации, рассказы (зачастую субъективные) друзей и обобщал в рамках тогдашнего западного дискурса собственный опыт, полученный вне Урала (на основе «посещения» которого делал широкие выводы): известно, что «на построение травелога большое влияние оказывают и предшествующие путешествия по тем же самым местам. Последующие травелоги наследуют ту систему авторской ритмизации природного и первично окультуренного пространства, которую предприняли в своих травелогах путешественники-авторитеты, и кажутся (а часто и являются) пересказом и литературной обработкой предшествующих. В результате, в общественном сознании формируется определенный образ пространства, ритмические и аритмические признаки которого могут быть довольно далеки от реальной действительности»⁸⁴. На примере Урала, которого он никогда не видел, Браун сделал попытку охарактеризовать российскую цивилизацию в целом. Отдельные антироссийские коннотации в его книге, очевидно, были вызваны внешнеполитическими факторами⁸⁵, но при этом не приобретают у автора патологических форм. И все же в созданном им образе России пропорции и расстояния в сравнении с реальностью искажены, из него изъяты целые пласты (преимущественно, положительные) – напомним

---

⁸⁴ Толстиков А. В., Кошелева О. Е. *Номо viatore*. С. 271–272. См. также: Замятин Д. Н. Путешествие. С. 66.

⁸⁵ См.: Меттан Г. *Запад – Россия: тысячелетняя война*. М., 2016. С. 249–251.

ним, что «травелог далеко не всегда адекватно отражает реальное пространство путешествия, в особенности его природные и первичные культурные ритмы и аритмию»⁸⁶.

По-своему стремясь достичь достоверности при описании чужой культуры, Браун намеренно концентрирует внимание на негативных сторонах русской жизни⁸⁷, зачастую делая на их основе широкие обобщения, а при рассказе о тех или иных бытовых явлениях часто прибегает к экспрессивным номинациям, в чем-то напоминая Кюстина, знаменитое сочинение которого он не мог не знать. «Взгляд путешественника – всегда взгляд чужака, который способен увидеть то, что слишком привычно для аборигенов и потому не замечается ими самими. С другой стороны, он свободнее в своих оценках (хотя, разумеется, свобода оценок не означает беспристрастности) и может позволить себе быть нелицеприятным. Поэтому образ внимательного и вдумчивого путешественника является весьма подходящей маской для критически настроенного автора»⁸⁸. Для того, чтобы Продукт (итоговый отчет) Путешествия был востребован своим обществом и отвечал на его физические и метафизические запросы, он должен быть создан на языке Своей культуры⁸⁹, поэтому Бра-

---

⁸⁶ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Ритм/аритмия пространства. С. 271.

⁸⁷ Батищев С. Д. Записки иностранцев об Урале XIX века. С. 122.

⁸⁸ Толстиков А. В., Кошелева О. Е. Homo viatore. С. 8.

⁸⁹ Иванова А. Н. Возвращение – важная часть Путешествия: анализ структуры Путешествия как формы самотранценденции // Вестн. Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4(36). С. 158.

ун не выходит за рамки многовековой традиции восприятия нашей страны на Западе как азиатского царства варваров, несущего угрозу Цивилизации. Кстати, этим объясняется и то, что все три публикуемых нами автора в той или иной мере подспудно ощущали определенную потенциальную опасность, исходящую от империи царей. К тому же на аксиологии книги Брауна сказался вектор его «путешествия». Все реальные европейские путешественники попадали из Цивилизации в Дикость и Варварство с запада, ведь до появления современных средств сообщения до отдаленных мест приходилось добираться через «цивилизованные» территории. Напротив, воображаемый путешественник может начать свой путь откуда угодно и совершать в пространстве произвольные перемещения, поэтому, в отличие от Споттисвуда и Ридли, шотландский лесовод в основном «двигался» из Хаоса в Цивилизацию.

Через несколько лет после «путешествия» Брауна наступила, как сказали бы сегодня, «разрядка», и в конце XIX в. англичане видели в русских не извечных врагов, а «народ, только находящийся на пути к цивилизации, ибо, несмотря на величайшие произведения науки и культуры, созданные просвещенной верхушкой общества, большинство населения было неграмотно и находилось во власти многочисленных предрассудков»⁹⁰. Считается, что чем сложнее систе-

---

⁹⁰ Журавлев И. И. Русские глазами англичан в конце XIX века // Colloquium-journal. 2019. № 13 (37). С. 9. Ср. замечание Споттисвуда: «Низкий культур-

ма (а родная цивилизация трех путешественников была одной из самых сложных в мире), тем она более открыта для приема материи, энергии и информации⁹¹. В путешествиях западноевропейцы учились и приобретали новые знания, становились, как считалось, более добродетельными, и в конечном счете восстанавливали единство человечества, утраченное после вавилонского разделения⁹².

«Российский опыт социокультурного развития, – отмечает уральский историк Е. В. Алексеева, – вызывал большой интерес у западных специалистов, представлялся заслуживающим внимания и привлекательным для представителей европейской культуры»⁹³. Встретив в России исключительно теплое к себе отношение, Ридли постарался ответить взаимностью, увидев в образе жизни русских прежде всего поло-

---

ный уровень русского народа, его очевидная неспособность усваивать все лучшее и новое, своеобразие религиозных представлений и множество других особенностей страны и ее институтов приводят к тому, что в России западная культура лишь едва прикрывает восточное варварство подобно меховой шубе, наспех наброшенной на окоченевшего и беспомощного путника.». Ср. оценки русских другими английскими путешественниками того времени: *Sakowicz I. British travelers' impressions. С. 214–215.*

⁹¹ *Kaytez H. Философия энтропии: негэнтропийная перспектива / пер. М. Гучковой. СПб., 2019. С. 74.*

⁹² *Doiron N., Lane – Mercier G. Travel essays // Literature of travel and exploration. Vol. 3. P. 1193.*

⁹³ *Алексеева Е. В. Российская провинция XIX в. – центр культурного прогресса? // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В. В. Карпова. СПб., 2019. С. 205.*

жительные моменты, а кое-что даже посчитав нужным пере-
нять. В этой связи стоит заметить, что одной из функций за-
писок о путешествии является стремление «изменить [соб-
ственный] социум, помочь ему совершить акт самотранцен-
денции, избавиться от каких-то стереотипов, стать духовно
богаче, пропитать его кодами и смыслами других культур
или метафизических миров»⁹⁴ (ср. в этой связи замечание А.
Камю, что «путешествие как самая великая наука и серьез-
ная наука помогает нам вновь обрести себя»⁹⁵).

В отличие от Ридли, Браун и Споттисвуд прибегают к ис-
торическим экскурсам, ведь исторические, географические
и языковые особенности региона будущей поездки обыч-
но учитываются при составлении маршрута путешествия⁹⁶.
А обращение к этнографии и юмору («анекдотами полны
в обязательном порядке все травелоги иностранцев (быть
в варварской России и не увидеть ничего замечательно
смешного просто невозможно)»⁹⁷) позволяет авторам пре-
одолеть пресловутую скуку отдельных фрагментов россий-
ского ландшафта и усиливает его пространственное воспри-
ятие (у Брауна этнографические наблюдения используются
еще и для весьма субъективных политических обобщений).

---

⁹⁴ Иванова А. Н. Возвращение. С. 159–160.

⁹⁵ Камю А. Творчество и свобода / сост. и предисл. К. Долгова. М., 1990. С. 200.

⁹⁶ Зырянов А. И., Зырянова И. С. Самостоятельные путешествия: маршрутное
планирование. Пермь, 2015. С. 14.

⁹⁷ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Личность автора-путешественника в тра-
велогe Нового времени // Культура и текст. 2014. № 3 (18). С. 15.

Важное место в сочинениях всех трех авторов занимает экзотика. Споттисвуд, Браун и Ридли стараются растолковать читателю «душу России» посредством описаний необъятных просторов страны, золотых куполов ее церквей, березовых рощ, сурового климата, плохих дорог, красных рубах крестьян, необычных видов транспорта, дружелюбию людей, а также нищеты и различных человеческих пороков, якобы отличающих русских. Как и, в принципе, все путешественники, публикуемые в настоящей книге авторы, используя ограниченный круг источников, создавали свой субъективный, обобщенный образ России, который лег в основу восприятия нашей страны на Западе. Для этого они не ограничивались собственными полевыми материалами, а широко привлекали географические, политические, исторические и лингвистические сведения (вдобавок Споттисвуд и Браун использовали рассказы своих предшественников).

Для всех трех путешественников характерно уважительное отношение к нашей стране. С большой любовью, а часто и с сочувствием они пишут о России и ее населении, нередко пытаясь переубедить себя и вызвать положительные эмоции и интерес у читателя даже при описании того, что внутренне не могут принять или понять, – поволжских и уральских пейзажей, которые кажутся им скучными и однообразными (впрочем, об унылости ландшафта России писали очень многие западные путешественники⁹⁸), особенно-

---

⁹⁸ Борисов Н. С. Повседневная жизнь. С 93–97.

стей характеров отдельных социальных и этнических групп и т. д., а для снятия потенциально негативного восприятия того или иного явления зачастую прибегают, как уже говорилось, к иронии и юмору. Все три публикуемых сейчас английских путешественника, наряду с некоторыми другими своими соотечественниками (в частности, с упомянутым выше Д. Александером), стояли у истоков деконструкции английского и, шире, западноевропейского мифа о «дикости», «варварстве» и вообще «неправильности» России⁹⁹, деконструкции, которая в полной мере началась только на рубеже XIX–XX в. и не завершена до сих пор¹⁰⁰.

В русском переводе книги Споттисвуда снято приложение, состоящее из статистико-экономических сведений, не представляющих интереса для современного читателя. В английском оригинале книга Брауна называется «Лесное хозяйство в горнозаводских районах Урала, что в Восточной России», но такого рода информации в ней немного, к тому же автор часто выходит довольно далеко за рамки своей темы, поэтому при подготовке русского издания было предложено более точное название его работы и значительно сокращен текст. Сочинение Ридли печатается целиком. Все постраничные примечания принадлежат автору вступительной

---

⁹⁹ О роли путешествий в формировании географических образов см.: *Замятин Д. Н.* Путешествие. С. 69, 77.

¹⁰⁰ Подробнее см.: *Королева С. Б.* Миф о России...

статьи. Иллюстрации, помещенные в книге – авторские (у Споттисвуда – его собственные акварели, у Ридли – фотографии).

И. В. Кучумов,
кандидат исторических наук

Уильям Споттисвуд Путешествие на тарантасе по Восточной России осенью 1856 года

Предисловие

Несмотря на то, что места, доступные для посещения в летнее время, с точки зрения географии изучены хорошо, они все еще таят в себе немало интересного, которое может обнаружить любитель после того, как первопроходцы и научные миссии завершат свою работу. Ни один уголок земли нельзя считать полностью изученным, пока его не опишет целый ряд людей, побывавших в нем в разное время и при различных обстоятельствах: это могут быть частные лица, посланцы правительства и пассажиры, чьи наблюдения ограничиваются мимолетными впечатлениями и повседневной дорожной рутинной, а также более широкий круг странствующих.

За исключением самоотверженного вояжа Олифанта¹⁰¹ вдоль Волги, Восточную Россию обследовали почти исклю-

---

¹⁰¹ Олифант Лоренс (1829–1888) – английский авантюрист и путешественник, автор книги «Черноморское побережье России осенью 1852 года, путешествие вниз по Волге и по стране донских казаков» (1853).

чительно ученые экспедиции Гумбольдта¹⁰², Мурчисона¹⁰³, Оммер де Гелль¹⁰⁴, Гёбеля¹⁰⁵ и ряд более ранних исследователей. Их поездки носили научный характер, поэтому позволю себе предположить, что кому-то захочется совершить простое турне по этим землям. Почему турне? Да потому что его может осуществить всякий, кому не жалко потратить на это три месяца и провести несколько бессонных ночей. Поскольку в ходе поездки со мной не случилось никаких происшествий или невероятных приключений, эти записки могут показаться широкому читателю скучными, но, возможно, будут полезны тем, кто захочет повторить мой маршрут. Я отнюдь не хочу сказать, что мне не доставало храбрости и решимости, просто задержка в пути – это самая большая неприятность, которая только может выпасть на долю ограниченного во времени туриста.

---

¹⁰² Гумбольдт Александр фон (1869–1859) – немецкий географ, натуралист и путешественник. В 1829 г. осуществил поездку по России по маршруту Санкт-Петербург – Москва – Владимир – Нижний Новгород – Казань – Екатеринбург – Пермь.

¹⁰³ Мурчисон Родерик Импи (1792–1871) – британский геолог и путешественник.

¹⁰⁴ Оммер де Гелль Адель (1819–1883) – французская писательница и путешественница, исследовательница Кавказа, степных территорий и предгорий Каспийского моря, Молдавии и южных районов России. В 1846 г. опубликовала сборник стихов, посвященных нашей стране.

¹⁰⁵ Гёбель Карл Христиан Траугот Фридеман (1794–1851) – химик, фармаколог, ботаник; член-корреспондент Петербургской Академии наук. В 1834 г. руководил экспедицией по изучению южнорусских степей.

Для будущих путешественников сообщаю, что я отправился в Санкт-Петербург через Берлин и Варшаву, выбрав почтовый тракт вместо поездки по морю, – с одной стороны, чтобы увидеть всю совокупность территории, которую планировал посетить, а с другой – чтобы набраться опыта езды на русских перекладных еще до того, как окажусь там, куда редко попадают мои соотечественники. Из Санкт-Петербурга я отправился поездом в Москву, откуда и начну свой рассказ. Даты и время моего прибытия в ключевые пункты маршрута и пребывания в них я стараюсь указывать достаточно точно, чтобы читатель мог представить, как мы передвигались, однако подробные сведения о расходах, расстояниях и ночлеге можно получить из «Путеводителя по России»¹⁰⁶, чье новое издание, надеюсь, со временем выйдет¹⁰⁷. Замечу еще, что у нас на руках были обычные паспорта, выдаваемые полицией во всех губернских столицах.

Моим единственным спутником в этой поездке был Джеймс Лозерон (в книге он обозначен инициалом Л.), человек очень ответственный и деловой. В основном благодаря его неутомимой энергии и энтузиазму мы за короткое время преодолели огромное расстояние.

За исключением шестой и десятой глав, в основе книги

---

¹⁰⁶ Имеется в виду: *Hand-book for Northern Europe; including Denmark, Norway, Sweden, Finland, and Russia. Pt 2. Finland and Russia.* London: John Murray, 1849.

¹⁰⁷ Оно вышло почти через десять лет после поездки У Споттисвуда, см.: *Hand-book for Travellers in Russia, Poland, and Finland.* 2nd ed. London: J. Murray, 1865.

лежат мои беглые путевые заметки. Встреченные нами народности описаны по моим личным наблюдениям и работам ведущих исследователей, в частности, публикациям и устным рассказам профессора Макса Мюллера¹⁰⁸. Что касается сообщения о посещении буддийского храма, то я не стал сухо излагать калмыцкую религию и теологию, а попытался заговорить языком буддийского паломника, при этом ничего не придумывая и заимствуя обороты речи из буддистских сочинений, обычаев, обрядов и нынешнего мировоззрения приверженцев этой религии.

В написании имен собственных я нередко нарушаю нормы, чтобы, не претендуя на научное открытие, передавать звуки русского языка как можно точнее – например, букву «ж» я обозначаю буквосочетанием «zh», а не «j», ибо с точки зрения языка русская буква «ж» имеет такое же отношение к «z», как «sh» к «s» и фонетически она ближе к английскому звуку [ʒ], чем к французскому [ʒi] и уж совершенно не похожа на наш [dʒeɪ]¹⁰⁹. В остальных случаях – когда, в част-

---

¹⁰⁸ Мюллер Фридрих Макс (1823–1900) – немецкий и английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии.

¹⁰⁹ Следует заметить, что в середине XIX в., когда была издана книга Споттисвуда, не существовало общепринятой системы передачи кириллицы латинскими буквами, поэтому в ее транслитерации царил разноречивый. И хотя Споттисвуд, являвшийся не только физиком и математиком, но и знатоком нескольких европейских и восточных языков, скромно преуменьшает свой вклад в решение этой проблемы (несколько позднее А. Шлейхер предложил для передачи русской буквы «ж» иной вариант, который сегодня применяется в так называемой «строгой транслитерации», – использование z с гачеком: *Schleicher A. et*

ности, звук конечного согласного заменяется следующей за ним непронизносимой гласной, возникали трудности, но я все же полагаю, что эти буквы вполне можно произносить по-английски – за исключением *v* в окончаниях – *ov*, которое выговаривается ближе к [ef], поэтому в данном случае я пишу *v* вместо привычных нам *f* или *ff*, ибо русское «в» – это и есть наша буква *v* (я сохранил *ff* на конце лишь в случае с фамилией Saposhnikoff, потому что этот джентльмен подписывается на латинице именно так¹¹⁰).

Я сознательно не касаюсь политических вопросов, потому что не это было моей целью ни во время поездки, ни сейчас: меня как простого путешественника прежде всего интересовали земли, по которым мы проезжали, особенно малоизвестные места. Действительно, за столь короткое время объективно оценить политическое и общественное устройство России и ее экономику невозможно, можно лишь по-дивиться почти неисчерпаемым природным богатствам этой страны – лесам, черноземным полям, лугам и удивительным

---

al. Indogermanische Chrestomathie: schriftproben und Lesestucke mit erklärenden glossaren. Weimar, 1869. S. 261–263), использованная им ослабленная транслитерация русского «ж» через диграф *zh* предвосхитила современные британский стандарт BGN/PCGN, практическую версию американского стандарта ALA-LC, международный стандарт ISO 9:1995 и во многом российские ГОСТ 7.79-2000 и ГОСТ Р 7.0.34-2014.

¹¹⁰ В настоящем переводе сохранена авторская передача этой фамилии – Сапожникофф (хотя в английском оригинале она должна звучать как Сапошникофф. Непонятно, почему Споттисвуд не применяет в данном случае предложенный им же самим диграф *zh*).

водным артериям, связанным друг с другом короткими протоками. Столь же поразительны обусловленные большими расстояниями между селениями и фактическим отсутствием отдельно стоящих построек слабые социальные и хозяйственные связи ее сельского населения. И, наконец, низкий культурный уровень русского народа, его очевидная неспособность усваивать все лучшее и новое, своеобразие религиозных представлений и множество других особенностей страны и ее институтов приводят к тому, что в России западная культура лишь едва прикрывает восточное варварство подобно меховой шубе, наспех наброшенной на окоченевшего и беспомощного путника, который, однако, в один прекрасный момент пробудится и станет похожим на остальной западный мир.

Глава I

Отъезд из Москвы. – Владимир. – Прибытие в Нижний. – С высоты Нижегородского кремля. – Ярмарка. – Пароход. – Пассажиры. – Макарьев. – Староверы. – Пристань. – Прибытие в Казань.

Колокола московских «сорока сороков»¹¹¹ церквей извещали о том, что армейские части, стоявшие лагерем у города, и разношерстная толпа людей, прибывших со всех концов империи, приветствуют нового царя¹¹². Иноземные экипажи, туземные дрожки и казачьи курьеры мчались по улицам, и, казалось, целиком были поглощены этим великим событием. Когда я в последний раз бросил взгляд с кремлевского вала, солнце уже перевалило за Воробьевы горы, с которых этот город лицезрел Наполеон¹¹³, и приближалось к горизон-

---

¹¹¹ Автор использует русский фразеологизм, обозначающий всю совокупность московских храмов. Стоглавый собор (1551 г., Москва) в целях облегчения управления храмами принял решение распределить все московские церкви на отдельные образования (округи), именовавшиеся «сороками». Однако выражение «сорок сороков» не следует понимать буквально – оно, скорее, обозначало просто множество храмовых зданий.

¹¹² Коронация вступившего на российский престол императора Александра II состоялась в Москве 26 августа (7 сентября) 1856 г.

¹¹³ На самом деле в сентябре 1812 г. Наполеон смотрел на город со «старой» Поклонной горы, которая располагалась там, где сейчас находится дальний от центра угол дома 16 по Кутузовскому проспекту.

ту. В вечернем свете позолоченные и разноцветные купола церквей приобрели еще более насыщенный окрас.

Я не сразу отправился в путь, а решил, как и хотел, дожидаться 3 сентября рассвета. К тому же пришлось долго объяснять полицейским чинам, что нам нужно получить разрешение на выезд из Москвы до окончания коронации, и что времени на сборы и загрузку дилижанса у нас мало. В Нижний Новгород дважды в неделю ходит почтовая карета, а в остальные дни – дилижанс: первая преодолевает этот путь за 36 часов, а второй – за пару суток. Нам выпало отправиться на дилижансе, но, дав кучерам деньги «на водку», т. е. на выпивку, мы сумели доехать до пункта назначения за 41 час. Большую помощь в подготовке нашего турне нам оказал управляющий почтовыми каретами, немец по национальности мистер Рейнбот, умственная одаренность и учтивость которого хорошо известны всем москвичам¹¹⁴. Наши экипажи были довольно тяжелые, но крепкие и надежные, а их колеса вызывали восхищение всякого, кто имел опыт езды в довольно шаткой повозке из Варшавы в Петербург в качестве правительственного курьера. Новое шоссе было превосходным, и салон дилижанса для нас, взявших с собой много провизии, находился вне всяких похвал.

Местность между Москвой и Нижним холмистая и боль-

---

¹¹⁴ Рейнбот Федор Антонович (1809–1889) – в то время управляющий отделением почтовых карет Императорского Московского почтамта, автор научно-популярных книг по технике.

шей частью покрыта сосновыми и березовыми лесами, землешеством здесь занимаются главным образом на возвышенностях по причине заболоченности низин. В пути мы встретили лишь несколько великолепных деревьев, ибо странство по обеим сторонам дороги всегда стараются держать открытым, чтобы устранить всякую опасность для проезжающих. Уничтожение лесов давно вызывает тревогу. Бесспорно, что вблизи судоходных рек потребляется огромное количество строительной древесины, а в Петербургской и Московской губерниях с каждым годом все сложнее бывает достать дрова. Но пока леса покрывают треть всей Европейской России, по-видимому, беспокоиться особо не стоит, к тому же потребность страны в древесине, а также побудительные мотивы и возможности для ее расточительства в последнее время снизились в результате активной разработки торфяников в Московской губернии и других частях империи, открытия залежей угля на Урале и антрацита на Донбассе. Как известно, дефицит обычно приводит к более экономному хозяйствованию. Использовать торф в качестве топлива выгоднее – говорят, его 2 куб. фута заменяют 3 куб. фута дров.

Единственным крупным городом между Москвой и Нижним Новгородом оказывается Владимир, некогда являвшийся столицей владимирских князей, которые долго и успешно боролись со своими восточными соседями – татарами. Сей-

час он знаменит своими вишневыми садами¹¹⁵. Мы прибыли туда на следующий день после отъезда из Москвы и, перекусив в экипаже, отправились гулять по городу, пока наш ямщик обедал. Владимир красиво расположен в широкой зеленой долине Клязьмы, впадающей в Оку. Несмотря на погожий день и радующее глаз изобилие церковных куполов, мне не терпелось ехать дальше, поэтому я с тоской поглядывал на дорогу, тянущуюся по восточному холму в направлении Нижнего.

На следующее утро мы прибыли в Нижегородскую губернию. Казалось, что дороге, деревьям и длинным вереницам повозок – по двадцать, пятьдесят и даже по сотне сразу, везущих с ярмарки азиатские товары, – не будет конца, как вдруг с очередной возвышенности и поредевшего леса показалась Волга. Нижний (Нижний Новгород) расположен на склонах высокого мыса в месте слияния Оки и Волги. Замечено, что правый берег почти всех русских рек высокий, а левый – низкий. Так в основном обстоит дело и на той части Волги, где я побывал. Кроме того, Ока издалика видна с равнин юго-западнее нее, она огибает уходящие в голубую даль холмы до места, где стоит Нижний. Дорога, которая уже несколько часов была совершенно прямой, свернула налево, когда мы приблизились к этому месту, открыв нам вид на деревянный

---

¹¹⁵ До революции Владимир благодаря вишне был известен по всей России, вишневые сады, которых насчитывалось до четырехсот, покрывали большую его часть. В 2014 г. в городе был установлен памятник этой ягоде, а в 2017 г. открыт Музей Владимирской вишни.

городок, в котором проходит ярмарка, и на небольшой лес мачт, тянувшийся вдоль рек за ней. Ярмарка расположена в низине между двумя реками у их слияния, и в августе и отчасти в сентябре это, вероятно, очень людное, если не одно из самых оживленных мест в мире, а в остальное время оно пусто. Застроена ярмарка строго регулярно: у всех улиц имеются названия, дома пронумерованы. В центре расположено большое каменное здание, в котором находятся резиденция губернатора, полиция, почта и прочие учреждения¹¹⁶, а на окраине имеются русская церковь¹¹⁷ и мечеть¹¹⁸. На территории ярмарки находится множество кафе, где, кстати, подают не кофе, а чай, и лучший в Нижнем ресторан. В ярмарочном городке под мощеными улицами проложены канализационные трубы – говорят, что их общая протяженность весьма велика. За порядком здесь следит особый казачий полк¹¹⁹.

---

¹¹⁶ Имеются в виду три административных корпуса Главного ярмарочного дома, построенные в 1818–1822 гг. по плану архитектора А. А. Бетанкура, в которых находились перечисленные автором учреждения и в период проведения ярмарки располагалась резиденция нижегородского губернатора. В 1890 г., спустя 35 лет после посещения Нижнего Новгорода Споттисвудом, на их месте было возведено новое здание, которое существует до сих пор (современный адрес: ул. Совнаркомовская, 13; в настоящее время в нем расположены несколько организаций).

¹¹⁷ Имеется в виду Спасский Староярмарочный собор (современный адрес: Ярмарочный проезд, 10, корп. 1).

¹¹⁸ Нижегородская ярмарочная мечеть была закрыта в 1930 г. и снесена. На ее месте построен жилой дом (современный адрес: ул. Керченская, 14а).

¹¹⁹ Для поддержания порядка во время работы ярмарки привлекались уральские казаки.

В Нижний нужно въезжать со стороны ярмарки, поэтому мы очутились на какой-то ухабистой улице с лавками, набитыми сибирскими товарами и снующими грузными, неторопливыми мужиками. Наш тарантас на несколько минут остановился у почтовой станции, и прохожие забросали меня вопросами, на которые я не успевал отвечать, а потом с грохотом поехал по плавающему мосту через Оку¹²⁰ до «гостиницы» (так русские называют отель), расположенной сразу на другом берегу реки¹²¹. Видимо, сервис в ней со времен Олифанта значительно улучшился. Правда, нам пришлось самим подмести комнату, отказаться от матрацев и добиться значительного снижения платы за проживание.

Из моего окна открывался прекрасный вид на мост с его бесконечным потоком телег, дрожек и людей, двигавшихся на ярмарку и обратно, и на любопытное скопище речных судов – от огромных восточных астраханских барж до маленьких каноэ, которые курсируют по реке, когда мост разводят для пропуска больших челнов. Отель очень удобно расположен – менее чем в пяти минутах езды от центра ярмарки.

---

¹²⁰ Имеется в виду построенный в 1817 г. и опиравшийся на плоскодонные суда (плашкоуты) ярмарочный плашкоутный мост через р. Ока и Гребневский канал. Он разводился примерно в два часа ночи для пропуска судов и сводился между пятью и шестью часами утра, длина его составляла 383 сажени, ширина 7–8 саженей. За проход и проезд была установлена плата: по две копейки с пешехода, 25 коп. – с порожней одноконной повозки, по одной копейке – с пуда груза. В 1933 г. на его месте был возведен постоянный Канавинский мост.

¹²¹ Вероятно, имеется в виду доходный дом Абмелек-Лазоревых (современный адрес: ул. Рождественская, 46/2).

На противоположной от моста стороне картина совершенно иная. Через загородные леса можно попасть на вершину холма, с которого открывается великолепный вид. Нижний, подобно Москве, Казани и другим русским городам обладает собственным кремлем, и прогулка по его валу – одно из самых приятных занятий, какие только можно себе представить. На западе виднеются медленно текущие навстречу друг другу две реки и прямое, пересекающее лес Московское шоссе, а потом все теряется за горизонтом. Ниже нас раскинулся деревянный город, погруженный в облако пыли, которая в дни ярмарки окутывает его весь день. Реку заполняли медленно плывшие с обвисшими в штиль парусами суда, туда-сюда снующие пароходики – одни сами по себе, а другие с длинными рядами барж, которые искривлялись, когда буксиры бросали якорь напротив города. Едва различимые песни моряков приятно ласкали слух. Река текла на восток, и на следующий день мы надеялись последовать за ней.

Вид с Нижнего Новгорода

В ярмарочном городке насчитывается примерно две с половиной тысячи лавок и чуть ли не двести тысяч человек, но, кажется, это число всех его посетителей. Однако изобилие здесь того, что может представлять интерес для путешественника, а именно европейских и азиатских товаров, не подлежит сомнению. Больше всего изумляют уральские железо и медь, китайский чай – как дорогих сортов, так и кирпичный, привезенный бухарскими купцами индийский и китайский хлопок, сибирские меха и разнообразная продукция закавказских губерний. Поскольку здесь не принято рекламировать свой товар и даже рассказывать о нем, приходится заходить в лавки и перебирать там все подряд: я, на-

пример, обшарил примерно шестьдесят-семьдесят лавок и в итоге стал обладателем сибирского ковра, жестяного фонаря, двух накидок из черной бухарской овчины, или, как их называют, карагасов, чая и трех карикатур на военную тематику. Все это я отослал на родину через англичанина, которого неоднократно встречал на пути сюда и уговорил приехать в Нижний, правда, не смог убедить его поехать со мной дальше.

Наше пребывание в Нижнем совпало с завершением ярмарки, и об этом возвестил спуск флага с ее офиса¹²². Процессия священнослужителей в торжественных одеяниях с хоругвями и прочими священными атрибутами шла по улицам, чтобы помолиться благополучному завершению мероприятия и за всех его участников, и удачи ему в будущем – у русских это составляет большинство молитв. Приближение процессии православные встретили, сняв головные уборы и кланяясь, а несколько фигур восточного типа изгибом губ и покачиванием голов, облаченных в тюрбаны, демонстрировали гордую магометанскую надменность. Многие лавки уже закрылись, но после официального окончания торгов купцы со своими товарами оставались в городе еще две с лишним недели.

---

¹²² Спуск флага с Главного ярмарочного дома производили 25 августа по действовавшему в России юлианскому календарю (6 сентября по используемому Споттисвудом григорианскому летоисчислению).

Я очень благодарен мистеру Гранту¹²³, англичанину, который возглавлял Волжское пароходство¹²⁴. Он не только обратил мое внимание на многие товары, которые без него я бы, вероятно, упустил из виду, но и помог решить ряд формальностей. Путешествуя по России, иностранец, наряду с множеством других мелких забот, обязан получать новый паспорт в столице каждой губернии, по которой проезжает. Конечно, это правило строго не соблюдается, и обычно паспорт выдают для проезда сразу по нескольким губерниям – так, в год нашего турне в Петербурге этот документ предоставляли либо до Москвы, либо до Нижнего (в нем я получил его до Перми), в главном городе Оренбургской губернии Уфе¹²⁵ – до Астрахани, а там – уж до самой Варшавы. Правда, в этом мне всегда помогали добрые люди.

---

¹²³ Грант Александр Александрович (годы жизни неизвестны) – выходец из Англии, один из организаторов волжского судоходства, пароходовладелец и предприниматель. Позже жил в Петербурге, являлся одним из директоров правления Тамбово-Саратовской железной дороги.

¹²⁴ Имеется в виду судоходная компания «Общество пароходства по Волге» (1843–1918 гг.).

¹²⁵ Уфа была административным центром Оренбургской губернии в 1802–1865 гг., а Оренбург являлся тогда уездным городом. В тот период в Уфе находились резиденция гражданского губернатора Оренбургской губернии (который как раз и выдавал проездные документы) и губернские учреждения. При этом Оренбург сохранял свое значение военно-политического и стратегического центра Оренбургской губернии, в нем по-прежнему было сосредоточено высшее управление краем в лице оренбургского военного губернатора, а в 1850–1881 гг. – генерал-губернатора, которому подчинялись оренбургские гражданские губернаторы.

После тяжелого ярмарочного дня мы отправились в превосходный ресторан, где блюда, мало отличавшиеся от привычных нам, вина, часть из которых, кажется, были бордоскими и рейнскими, и обладающий чувством юмора мистер Грант заставили меня на время забыть, что я нахожусь в России. И только за полночь, когда выбритых официантов в белых фартуках сменили бородатые трактирщики в длинных кафтанах, вместо красного вина на столах появился чай, а взамен маршей военного оркестра на нас обрушились чудовищные гнусавые звуки группы цыган, я спустился с небес на землю.

Мне посчастливилось найти пассажирский пароход, который на второй день моего пребывания в Нижнем отправлялся в Казань. Судно принадлежало компании «Самолет»¹²⁶, но мистер Грант был так любезен, что представил меня капитану, служившему прежде в Волжском пароходстве. Этот отменный офицер, голландец по происхождению, был исключительно учтив и отлично знал фарватер. Мы должны были отчалить в девять часов утра, но нам наемкнули, что лучше подняться на борт на пару часов раньше, иначе все свободные места займут возвращающиеся с ярмарки.

Поэтому мы покинули отель в пять часов утра 7 сентября, и так как мост был открыт для пропуска барж, то переправились через реку в маленькой лодке, сопровождаемые криками толпы, которую сдерживал казак с длинным кнутом.

---

¹²⁶ Одно из крупнейших пароходств на Волге в 1853–1918 гг.

Пристань находится за ярмаркой, и берег, на котором она стоит, весной заливают вода, поэтому торговцам приходится ежегодно сносить и заново строить свои лавки. Обычно это место бывает довольно безлюдно, но в дни ярмарки здесь не менее шумно, хотя и не столь оживленно, чем на пристани у Тауэра¹²⁷.

Когда мы взойшли на борт парохода, палуба уже была заполнена разношерстной толпой людей – русскими почти со всех восточных губерний, татарами из Казани, немцами из-под Саратова, персами и армянами из Астрахани, бухарцами и бухарскими евреями из Оренбурга, были и люди, направлявшиеся в Ташкент. Я думаю, что многочисленность иностранцев на нижегородской ярмарке несколько преувеличена, ведь обычно азиатские купцы далеко не ездят. В Кяхте ведется бартерная торговля с китайцами, в Оренбурге – с бухарскими и хивинскими, а в Троицке – с ташкентскими и кокандскими купцами. Многие из них осели в крупных торговых центрах – в частности, в Нижнем – и, в большинстве своем являются российскими подданными.

Однако на борту было достаточно людей, чтобы не скучать во время двухдневной поездки в Казань. Если на палубе толпилось множество богатых негоциантов (успешных в бизнесе сразу можно определить по их большим животам) в пестрых платьях, то в каюту набилось еще больше совсем уж богатых лиц в гораздо более роскошной одежде. Не ожи-

---

¹²⁷ Тауэр – крепость, стоящая на северном берегу Темзы.

дая ничего хорошего от предстоящей ночи, я, найдя свободный уголок, бросил туда свои пальто и плед и уже хотел было устроиться на палубе, но капитан, несмотря на мое сопротивление, уговорил меня перебраться к нему в каюту. Не только одежда и внешний вид, но и багаж моих попутчиков выглядели необычно. Всевозможные коробки и ящики – от гробов до корпусов повозок – деревянные, из коры, покрытые мишурой и фольгой, а то и с рисунками всей китайской флоры. Среди этих тюков, узлов и мешков мой английский чемодан выглядел совершенно неестественно.

Так как все пассажиры прибыли на пароход за час до отправления, мы вовремя подняли якорь, и сразу после девяти часов утра Нижний стал уходить вдаль, а звон его колоколов постепенно затихал. Плавание по Волге – дело хлопотное в силу ее широты и мелководности. Вдобавок, песчаные отмели постоянно меняют свое расположение, поэтому всякая лодка на следующий год становится бесполезной – ее заменяет регулярная практика судовождения. Капитан нашего судна, казалось, чувствовал себя на этой реке как у себя дома – он знал каждый ее поворот и изгиб, каждый ярд извилистого русла, знал, где существует опасность сесть на мель. К тому же он почти все время проводил на капитанском мостике. Какова здесь навигация, свидетельствует тот факт, что пароходу приходится идти по реке не прямо, а зигзагами, в результате чего путь от Нижнего до Казани увеличивается примерно наполовину.

Днем я пребывал на кожухе гребного колеса, куда пригласил узкий круг друзей, главными из которых были русский фабрикант из Марасов (примерно в ста двадцати верстах к юго-востоку от Казани)¹²⁸, мой спутник Л. и капитан Лан¹²⁹ из Казани. С этого места можно было обозревать палубу и всю округу. Самое важное действие разворачивалось прямо под нами – там за столом люди весь день пили чай. Пополнение запасов топлива сейчас организовано лучше, чем во времена Олифанта: заранее подготовленные лодки быстро доставляют дрова на судно. Стук чурбаков по палубе, несомненно, разбудил спящих в каюте торговцев, а самым любопытным пассажирам пришлось смешно подпрыгивать, когда дрова выгружали на палубу. Минут через десять огромная гора древесины завалила проход, но большую ее часть вскоре убрали вниз, а остальное сразу пошло в дело.

Погода по-прежнему стояла прекрасная, и пейзаж радовал глаз. Невысокие горы на правом берегу были покрыты соснами, у Макарьева¹³⁰ – дубами, изредка перемежающимися вязами и липами с уже заметными приметами осени. Левый берег реки здесь ровный, с длинными желтыми песчаными отмелями у самой кромки, за которыми тянутся луга и леса.

Макарьев, расположенный примерно в ста верстах от

---

¹²⁸ Ныне с. Мараса в Алексеевском р-не Респ. Татарстан.

¹²⁹ Так в тексте.

¹³⁰ Ныне пос. Макарьево в Лысковском р-не Нижегородской области России.

Нижнего на левом берегу реки, – это первый встреченный нами в пути «град» (город). Он довольно древний, а его старинный монастырь настолько нависает над рекой, что его подпирают сваи¹³¹. Большая ярмарка существует здесь с 1524 г., когда царь Василий Иванович¹³² запретил русским купцам торговать в Казани. Как и многие другие светские институты, ярмарку прибрала к рукам русская церковь и стала проводить ее в стоявшем здесь монастыре. После уничтожившего его в 1817 г. пожара она была перенесена на нынешнее место. С одним селом, расположенном выше Макарьева, связана недавняя история обретения крепостным мужиком огромного богатства – иногда такое случается. Этот человек нажил примерно пять миллионов рублей, но, как мне рассказали, принадлежал грузинскому князю, который при жизни отказывался отпускать его на волю – это сделал его наследник, и теперь упомянутый мужик владеет самым большим домом в Нижнем.

Чуть ниже находилось селение староверов. Это одна из многих сект, существующих в России. Правда, о ней мало что известно по причине подозрительного отношения к староверам со стороны православных властей, из-за чего они не афишируют свои догматы. Староверы всегда обладали боль-

---

¹³¹ Имеется в виду мужской Свято-Троице-Макарьево-Желтоводский монастырь, был закрыт в 1868 г. и восстановлен в 1883 г. уже как женская обитель.

¹³² Василий III (1479–1533) – великий князь владимирский и московский, государь всея Руси. Отец Ивана IV Грозного.

шим влиянием, причем настолько, что Петр Великий стал их преследовать и обложил двойным налогом, который, однако, через несколько лет отменили. Со времен Екатерины II власти безуспешно пытаются примирить староверов с православной церковью. Их религиозные установки основаны на Библии и по сути являются иудаистскими, староверы отвергают все новое, причем даже в одежде. Согласно их вере, нельзя бриться и стричь волосы – вслед за Тертуллианом они полагают, что в противном случае происходит обезображивание головы и лица, которые Господь дал человеку¹³³. Они не употребляют табака и картофеля, считая первый воплощением Сатаны, а второй – плотью предателя Иуды и одновременно запретным плодом Эдемского сада. Староверы часто конфликтовали с властями, так как принимали в свою среду священников, преданных анафеме в официальной церкви, делали их своими руководителями и поручали им рукополагать собственных священнослужителей. Все это вызывало серьезную озабоченность властей, и в 1838 г. их четыре училища были разогнаны с помощью военной силы, а ученики сосланы в Сибирь¹³⁴. Главные институты староверов находятся, видимо, на востоке, в малонаселенных и глухих частях страны – таких, как Саратовская и Оренбургская гу-

---

¹³³ Тертуллиан Квинт Септимий Флорент (155/165-после 220) – христианский богослов. Выступал против бритья бороды, что, по его мнению, есть ложь на наружность человека и нечестивая попытка улучшить произведение Создателя.

¹³⁴ На самом деле в 1830-е гг. было закрыто несколько старообрядческих училищ, но их воспитанники в Сибирь не ссылались.

бернии, а также Сибирь. Старообрядчество весьма распространено среди торговцев и фабрикантов, гораздо реже – у дворян и крестьян.

Мы бросили якорь поздно ночью где-то вблизи Козьмодемьянска, но незадолго до этого холодный речной туман загнал меня вниз, в мое уютное пристанище – каюту капитана, где я вечером занимался написанием писем и чтением старых номеров «Галиньяни»¹³⁵, узнавая европейские новости, которые уже некоторое время не получал.

Утром, в полдень и на закате кожух другого гребного колеса с разрешения капитана заполняли магометане, чтобы совершать свои молитвы. Для нас, европейцев, они звучали непривычно и грубо, но мы понимали, что, пав ниц в сторону Мекки и с благоговением повторяя слова, которыми уже тысячу лет на значительной части Старого Света почитают среди океана многобожия Единого, Живого, Истинного¹³⁶ Бога, эти люди стремились услышать слова Аллаха и вдохнуть в себя его дух.

На рассвете меня разбудил топот татарских деревянных башмаков над моей головой. Совершив привычный утренний туалет, который позднее свелся у меня к минимуму, я вновь уселся на колесном кожухе и принялся за бодрящий

---

¹³⁵ Ежедневная (кроме воскресенья) либеральная газета «Galignani's Messenger» («Вестник Галиньяни»), издававшаяся с 1814 г. в Париже на английском языке.

¹³⁶ Имена Аллаха, упоминаемые в Коране – Аль-Ахад (Единый), Аль-Хайй (Живой), Аль-Хакк (Истинный).

чай, которого на пароходе, кажется, было столько же, сколько в Волге воды.

В Чебоксарах мы в последний раз запаслись дровами. Отсюда до Казани пароход обычно идет семь часов, но сейчас из-за обилия пассажиров он плелся дольше. На второй день пейзаж стал красивее – горы приняли более правильные формы, а лес приобрел разнообразие. Ниже Чебоксар растут обширные дубовые леса. Стройных сосен вдоль реки почти нет, потому что лучшие из них рубят и отправляют на судоверфи в Петербург, а то и в Архангельск. Река полна диких уток, а левобережье славится своими медведями.

Последние двенадцать-пятнадцать верст до Казани Волга течет прямо, и в конце пути из воды постепенно поднимается город. Хотя стояла хорошая погода и мы плыли по столь прекрасной реке, как Волга, двое суток, проведенные на пароходе, сильно утомили меня, и все же тяжело было расстаться с почтенным старым бухарцем, который не сразу простил меня за то, что я рисовал, как он пьет чай, с хитрыми татарами, которые отчасти стали соучастниками моего поступка, с застенчивым ташкентским парнем, за которым я, хохоча, гонялся по палубе с альбомом в руках, но особенно с нашим капитаном-голландцем, с которым мы попрощались крепким английским рукопожатием.

Старик – бухарец

Около пяти часов вечера 8 сентября пароход причалил к берегу в пяти верстах от Казани. Город выглядел изумительно, когда мы ехали по проложенной по лугу между ним и рекой неровной дороге. Даже в сравнении с Нижним он был

довольно красив, а его своеобразное расположение и вроде бы старинная татарская башня¹³⁷ придавали ему особое очарование. Крепко вцепившись в мчавшиеся дрожки, чтобы не вывалиться, я провожал взглядом Волгу и одновременно украдкой присматривал за телегой, в которой узкоглазый татарин вез наш багаж. Мы остановились в гостинице Рязанова¹³⁸ с ее двустворчатыми дверями, псевдо-дамасскими занавесками, диванами во французском стиле и карточным столом. Но для нормального проживания нужно не только это, а беспомощный слуга лишь непрерывно кланялся и пялился на нас. С величайшим трудом, после долгих уговоров, угроз, упреков и призывов нам удалось получить у него тазик и два полотенца. В дальнейшем мы научились обходиться без вещей, которые на Западе служат для поддержания комфорта, здоровья и опрятности, но тогда, в Казани, решили провести *experimentum crucis*¹³⁹, чтобы узнать, какой сервис может предоставить путешественнику русская гостиница.

Сначала мы отправились в дом мануфактурщика, который готовился выехать «за город», в Марасу. Он был очень любезен и велел двум своим слугам сопровождать нас, когда мы пойдем покупать «тарантас», т. е. дорожный экипаж.

---

¹³⁷ Имеется в виду башня Сююмбике – сторожевая башня Казанского кремля. О дате ее постройки существует широкий разброс мнений – от дорусских времен до XVIII в.

¹³⁸ Находилась на месте здания по нынешней ул. Петербургская, 1.

¹³⁹ «Решающий опыт» (букв. «проба крестом») – эксперимент, исход которого однозначно определяет, является ли конкретная гипотеза верной.

Потом мы пошли по длинным прямым улицам¹⁴⁰, протянувшимся через весь город, и, удивившись после оживленных Москвы и Нижнего его тишине и отсутствию прохожих, уселись на кремлевском валу. Облака уже заволакивали небо, но луна, почти полная, продолжала сопротивляться темноте, а рассыпанные внизу огни города делали Казань более живой, чем днем. Сидя в потемках, да еще и на валу Казанского кремля, следовало бы молчать, но то ли ночь, то ли вид старинной татарской башни и общее впечатление от города развязали мне язык, и я как-то сам собой стал рассказывать своим спутникам о древней истории, болгарях, финских, славянских и индогерманских миграциях, причем мое красноречие явно превосходило мои познания в этих вопросах.

---

¹⁴⁰ Вероятно, имеются в виду улицы Большая Проломная (ныне Баумана) и Предтеченская (ныне Профсоюзная).

Глава II

*Казань. – Тарантас. – Сибирский тракт. – Русские ям-
щики. – Дороги. – Грозящие опасности. – Сибирская катор-
га. – Пермь.*

Как известно, Казань раньше была столицей татарского ханства, обычно называемого Казанским царством. Основал ее примерно в середине XIII в. почти в двенадцати верстах от нынешнего города Батый или один из его сыновей. Старый город был сожжен в 1391 г. великим князем Василием Дмитриевичем¹⁴¹, а сорок лет спустя здесь поселился хан Золотой Орды, изгнанный из своих владений¹⁴². С тех пор на этих землях не было покоя, и после полуторавековых войн, преследств и кровопролитий Казань была взята Иваном Васильевичем¹⁴³ и окончательно вошла в состав России, а татары стали жить в отдельном квартале в нижней части города близ небольшого оз. Кабан. В ходе гражданской войны в 1774 г. Казань была сожжена, но затем восстановлена Екатериной II. Говорят, что в Казанской губернии насчитывается

---

¹⁴¹ Василий I Дмитриевич (1371–1425) – великий князь московский и владимирский с 1389 г., старший сын Дмитрия Донского.

¹⁴² В 1438 г. болгарская крепость Казань (Иске-Казань) была захвачена свергнутым золотоордынским ханом Улу-Мухамеддом (1405–1445).

¹⁴³ Царь Иван IV Грозный.

230 тыс. татар, а в самой Казани их примерно 13 тыс., или треть всех горожан. Приблизительно две-три тысячи татар – крещеные. Татарское население преимущественно занято выделыванием кож и мыловарением. Хорошее магометанское образование татары стремятся получать в Каргале – селе, находящемся в двенадцати верстах к северу от Оренбурга¹⁴⁴, или в Бухаре.

Казань, между прочим, славится производством экипажей¹⁴⁵. Спрос на них довольно высок, так как отсюда идет самый лучший почтовый путь на восток. Прокладка железной дороги между Петербургом и Москвой, нового шоссе до Нижнего и организация пароходного сообщения по Волге связали столицу страны с восточными губерниями и Сибирью через Казань, упразднив прежний маршрут через Кострому и Вятку.

---

¹⁴⁴ Ныне с. Татарская Каргала в Сакмарском р-не Оренбургской области России.

¹⁴⁵ Казань наряду с Екатеринбургом была известна своими дорожными тарантасами, которые эти два города поставляли по всей стране.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.